

ОТ «НЕВОЗМОЖНОГО» ЛУКАШИЗМА
К НОВОЙ БЕЛАРУСИ:
НА ПУТИ К ПРЕОДОЛЕНИЮ
ПОСТАВТОРИТАРНОЙ КУЛЬТУРНОЙ
ТРАВМЫ*

FROM THE 'IMPOSSIBLE' LUKASHISM TO THE NEW BELARUS:
ON THE WAY TO OVERCOMING POST-AUTHORITARIAN
CULTURAL TRAUMA

© Scientist_2020, PhD in sociology

© Scientist_2025, PhD in sociology

Abstract: The article analyzes the phenomenon of the “impossible” stability of the authoritarian regime of A. Lukashenko, as well as the key reasons for its deep crisis, which led to the protests of 2020. The events of 2020 became a stressful “bifurcation point” in the evolution of lukashism and led to its transformation into a harsh repressive regime. Based on the concept of cultural trauma by P. Sztompka, the authors analyze how traumatization of Belarusian society occurred during the period of lukashism. The cultural trauma of lukashism becomes the most important sociocultural task in the process of transition to the New Belarus.

The ambivalence of the events of 2020 for Belarusian society is shown: they became a strong socio-cultural factor of both situational national unity, on the one hand, and a strong trigger for internal polarization, on the other. Based on the ideas of K. Mannheim, the authors believe that this polarization is an example of “normal” intergenerational cultural dynamics. However, as the experience of post-communist Poland shows, a rapid overcoming of such a long-term intergenerational cultural trauma is possible, but it is not granted.

Based on memory studies ideas, the authors show that overcoming authoritarian cultural trauma requires the development of a systematic “cultural policy” (in fact, “memory policy”). The experience of overcoming the authoritarian past in the FRG, the GDR and France shows that overcoming the legacy of lukashism in Belarus risks being (1) a long, (2) conflictual

* Статья публикуется анонимно по соображениям безопасности.

and (3) fundamentally “unfinished” process. It should include two parallel vectors of movement (dismantling authoritarian institutions and building democratic structures) happening within the frame of a new Belarusian identity. Such an identity will allow reworking the problematic past and set foundations for future national self-identification. Some versions of such identity are briefly reviewed, their similarities and relevance for modern sociocultural trends are revealed.

Keywords: dictatorship, authoritarianism, lukashism, repression, cultural trauma, memory studies.

I. “Невозможный” лукашизм

Согласно ряду политологических и социологических наблюдений персоналистский авторитарный режим А. Лукашенко является “невозможным” режимом: его формирование и, самое главное, столь длительное существование представляются явно проблематичными. “Высокая степень персонализации, функционирование без партии власти, плюс расположение в Европе – все это, вместе взятое, делает белорусскую автократию довольно уникальным явлением” (Рудковский и др. 2021: 14). Как отметил белорусский социолог Андрей Вардомацкий, “при таком уровне образования авторитарные режимы невозможны” (Рудковский и др. 2021: 85). Тем не менее, лукашизм стал не только возможным, но и продемонстрировал удивительную живучесть на протяжении почти 30 лет. В данной статье мы кратко проанализируем эту “неслучайность” и устойчивость лукашизма.

В глобальном политическом контексте время жизни режима Лукашенко пришлось на эпоху затухания т.н. “третьей волны демократизации” (с начала 1990-х гг.) и прихода “третьей волны автократизации” (с начала 2010-х). По мнению М. Минакова, Лукашенко был “первым постсоветским диктатором и своего рода чемпионом автократизации в Восточной Европе”: ведь “уже к 2001–2002 гг., когда появились первые признаки автократического поворота в режимах Владимира Путина и Леонида Кучмы, Беларусь представляла собой устоявшуюся эффективную автократию” (Минаков 2021: 49). Последующее почти 25-летнее успешное существование режима, прошедшего через серию внутренних и глобальных кризисов, говорит о его достаточно высокой политической креативности-адаптивности.

“Инновационный” характер режима получил различные определения. В. Силицкий назвал его “превентивным авторитаризмом” (за способность эффективно противодействовать угрозам упреждающим образом). В. Мацкевич отмечал умение

режима использовать “политтехнологии третьего поколения” (за способность сохранить процедуры голосования и одновременно контролировать его результаты) (Мацкевич 2013). Зарубежные исследователи говорят об “умном”, или “постмодернистском” информационном авторитаризме, для которого Беларусь стала своего рода “испытательным полигоном для того, что российские политтехнологи вроде Глеба Павловского открыто называли новым поколением “контрреволюционной технологии” (Уилсон 2020).

Живучесть лукашизма вряд ли была возможной без длительного и эффективного поддержания (иллюзии) “справедливого” авторитарического общественного договора, по условиям которого “беларусы обменяли свои политические права на социально-экономические интересы” (Минаков 2021: 52). И если “устойчивость режима Лукашенко в первые десять лет правления была обусловлена соответствием его политического курса базовой потребности людей в обретении более-менее стабильной социально-экономической опоры после краха СССР” (Щитцова 2021: 9), то впоследствии любые “споры” эффективно решались экономическим “пряником” и/или репрессивным “кнутом”. Используя эти методы, режим достаточно длительное время удерживал свое особое “динамическое равновесие”.

Однако, по мере стагнации экономики после спада 2015–2016 годов менялся и негласный общественный договор: “просвещенный автократ” позволил населению самому заботиться о себе. “Прежняя максима «Мы обеспечиваем вам благополучие» превратилась в нечто вроде: «Мы позволяем вам заботиться о собственном благополучии»” (Рудковский 2022: 14). Такой (непреднамеренный) “спуск пара” посеял внутри белорусского социума вирус реального (хотя и усеченного) продемократически ориентированного образа мысли и жизни (пусть и в малой его части). Латентный процесс “ментальной демократизации” имел реальные “материальные” основания и охватывал как представителей высококвалифицированных (за счет роста кластера ПВТ и общей цифровизации экономики), так и рабочих профессий, все чаще выезжавших “на заработки” на Запад, а не в РФ¹. Превентивная же ментальная стимуляция поддержки авторитаризма со стороны власти не перекрывала устойчивый рост положительного отношения к демократии среди белорусов², пусть и в специфической ее трактовке. Происходило медленное накопление спроса на перемены: по

1 Объем возвратной трудовой миграции в Россию падал, а на Запад рос и составил более 100 тысяч человек уже в 2017 году (Елисеев и др. 2019: 14–15).

2 По данным WVS/EVS на 2018 год индексы поддержки демократии и автократии составляли 81 и 33 соответственно; рассчитано Рудковским (2022) по формуле (“очень хорошая” + “хорошая”) – (“очень плохая” + “плохая”).

данным НИСЭПИ, уже к 2016 году соотношение сторонников “перемен” и “стабильности” составило 67% против 25% (в то время как в 2010 — 40% и 48% соответственно) (Shelest, Kazakevich 2021: 3).

Таким образом, в течение 2010-х годов происходило накопление объективных предпосылок для системного кризиса превентивного авторитаризма в Беларуси. Совокупность этих объективных закономерностей и различных триггеров-случайностей привели к небывалой по силе “политической буре” 2020 года, в результате которой режим Лукашенко потерял свою патриархальную легитимность и перешел к жесткой репрессивной модели.

II. “Травматизация Беларуси”

События 2020 года стали стрессовой “точкой бифуркации” в эволюции режима, вызвав в ответ беспрецедентное расширение и усиление репрессивных мер, охвативших множество граждан и организаций. Данные события, как и вся предыдущая история режима, оказали глубокий эффект “культурной травмы” для нынешних и будущих поколений белорусов³. В данном разделе мы обзорно рассмотрим, как проходил этот процесс (латентной) травматизации белорусов до, во время и после протестов 2020 г.

Специфическая политическая культура Беларуси, которая привела к массовым протестам в 2020 году, берет истоки в протестах времен перестройки. В силу отсутствия сильной партийной системы протестное движение было представлено внепартийной, общегражданской протестной активностью (Минаков 2021: 54–56). Первые крупные протесты прошли в 1996–1997 годах (“Менская вясна”) как реакция на проавторитарные изменения в Конституции. В дальнейшем протесты происходили скорее по “узко” политическим и социально-экономическим причинам: выборы 2001 г.; Плошча-2006, или “джинсовая революция”; Плошча-2010; Молчаливый протест в 2011 г.; закон о “гунеядстве” в 2017 г. Вместе с тем, помимо упомянутых выше “глобальных” драйверов протеста, “чувство ущемленного гражданского достоинства и гражданского гнева было заметно в белорусских протестах последних 20 лет” (Минаков 2021: 56).

3 Понятие “культурная травма” введено польским социологом П. Штомпкой. “Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире. ... Это мы и подразумеваем, говоря, что травма вызвана «шоковыми» событиями. Травма — коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий, интерпретируемых как культурно травматические” (2001: 10).

Объясняя небывалую протестную мобилизацию 2020 года, мы исходим из тезиса Т. Щитцова о том, что “...кризис авторитаризма Лукашенко заключается в реальной утрате власти *auctoritas*, то есть власти морального авторитета и идейного лидерства” (Щитцова 2021: 126). Этот многолетний кризис фундаментально обострился в 2020 году, когда циничное отношение режима к жизни и здоровью⁴ людей (игнорирование COVID-19 и иные схожие проблемы⁵) показало его нежелание и неспособность заботиться о людях даже как о “населении”, а последовавшее затем беспрецедентное по охвату и жестокости насилие в первые дни после выборов вызвали глубокий культурный, антропологический шок у большинства белорусов, включая и “далеких от политики” людей (собственно породили “культурную травму”).

“В результате событий 9–11 августа 2020 г. *common sense* как предданное «здоровое» основание социальной жизни дал трещину, не тематизировавшаяся ранее общая ценностно-нормативная почва просела. Дорефлексивная вера в то, что определенные вещи (например, открытые убийства и истязания «без суда и следствия» представителями государственных органов) не могут случиться — и тем более стать «нормой», — рухнула. Какой бы наивной эта вера ни была, она была частью системы здравого смысла, которая характерна для белорусов как конкретной культурно-исторической общности и формируется из сложного переплетения национального менталитета и постсоветского социального контракта (Гайдук, Ракова, Силицкий 2009)” (Щитцова 2021: 130). Стремительная регрессия просвещенной автократии до уровня домодерновой монархии, разрушительно вторгнувшейся в “сакральную» сферу высокочувствительных ценностей (человеческой жизни, здоровья и достоинства) была неприемлемой даже для “памяркоўных” белорусов.

Таким образом, события 2020 года привели к тому, что “мягкий” патриархальный авторитаризм сменился brutальным, репрессивным авторитаризмом, во главе которого стал “силовой блок” режима. Это способствовало беспрецедентному росту политических репрессий в стране. Важно отметить, что репрессии применялись на протяжении всего существования лукашизма (как инструмент превентивного поддержания стабильности режима). В разные периоды времени происходил ситуативный

4 Многолетние исследования Института социологии НАН Беларуси показали, что здоровье занимает первое место по значимости среди базовых ценностей населения Беларуси (85,2% в 2017 г.) (Котляров и др. 2017: 131).

5 Непригодная для использования вода в нескольких районах Минска (июнь 2020 г.). Власть замалчивала и отрицала проблему, а также бездействовала в первые сутки кризиса.

переход к “жестким” репрессиям (как правило, в периоды электро-
ральных событий).

Сегодня режим прибегает как к “жестким”, так и к “мягким” репрессиям. По данным правозащитного центра “Вясна”, только за 2020 год жертвами репрессий стали более 33 000 участников мирных протестов (Вясна 2020: 13). По состоянию на 10 октября 2023 года в Беларуси в местах заключения находятся 1489 политических заключенных, из них 164 женщины (Вясна 2023). Всего с мая 2020 года признаны политическими заключенными почти 2700 человек, из них 470 женщин. Беларусы по-прежнему подвергаются задержаниям и уголовным преследованиям за лайки и комментарии, размещенные фотографии с протестов, вывешивание символики⁶, подписку на “экстремистские” ресурсы, причисленные к террористическим организациям и к экстремистской деятельности (3358 человек) (Вясна 2023), за антивоенную позицию⁷, за участие в мирных акциях протеста в 2020 году. К “жестким” репрессиям также относятся пытки и унижения, применяемые к политическим заключенным (продлеваются сроки лишения свободы, отсутствуют базовые гигиенические условия, ограничивается связь с внешним миром и пр.).

Одной из широко распространенных “мягких” репрессивных мер стал запрет на профессию. Многие граждане были уволены по политическим причинам или испытали давление за свою профессиональную деятельность. За выполнение своих прямых профессиональных обязанностей репрессиям подвергаются адвокаты и журналисты; при этом в заключении находятся 6 адвокатов (Право на защиту 2023) и 35 журналистов. Также репрессиям подверглись все НКО и негосударственные политические партии. На текущий момент в процессе ликвидации находятся 923 некоммерческие организации (Lawtrend 2023), а из 15 партий в Беларуси на 2023 год осталось 3 и ни одной оппозиционной (Вясна 2023).

К последствиям репрессий следует отнести и массовую вынужденную эмиграцию⁸: как реакцию на реальное или ожидаемое административное и/или уголовное преследование. Данная эми-

6 Интересно отметить, что “цветные протесты” являются не новыми в истории Беларуси. Во время восстания Калиновского люди получали штрафы за “украшение” окон домов с использованием черного цвета или за одежду черного цвета (Иваноў 2021: 162).

7 За первые полтора месяца войны задержали более 1500 человек; на 13 осужденных “рельсовых партизан” назначили 199,5 лет лишения свободы (Радыё Свабода 2023).

8 По-разным оценкам около 400–500 тыс. человек выехало из страны после 2020 г. (Лаврухин 2023), что составляет около 10% от общей численности занятых в экономике.

грация является критическим фактором для экономики Беларуси, так как страна практически безвозвратно и на длительное время теряет наиболее ценный человеческий капитал. Выехавшие за пределы Беларуси граждане также подвергаются репрессиям: выходят новые неконституционные законы и указы (лишение гражданства, лишение собственности, запрет на замену паспорта посольствами за границей и пр.). Таким образом режим всячески способствует запугиванию и деморализации белорусов внутри и вне страны. Среди выехавших белорусов тревожность по поводу событий 2020–2021 годов испытывают около 25%, на таком же уровне находится эмоциональная включенность в события 2020 года (Коршунов 2023).

Сегодня репрессии все еще остаются на достаточно высоком уровне, хотя некоторые исследователи полагают (Коршунов 2023), что репрессии вышли на своего рода плато, так как в течение 2023 года наблюдается стабилизация количества задержанных по административным или уголовным статьям. Однако здесь стоит отметить, что режим не ослабляет свой репрессивный механизм, а скорее меняет тактику с преимущественно физического насилия (аресты, задержания, применение физической силы и т. п.) на тактику превентивных правоприменительных мер (ограничения прав и свобод граждан за счет принятия новых неконституционных законов и норм).

Таким образом, 2020 год стал сильным социокультурным фактором национального единения-перерождения, с одной стороны, но и мощнейшим триггером для травматизации и поляризации белорусского общества, с другой. Далее мы рассмотрим данную амбивалентную ситуацию и ее проблемность для будущей Новой Беларуси.

III. “Беларусский раскол”

Анализируя сложившуюся после 2020 года социально-политическую ситуацию, некоторые исследователи диагностируют состояние раскола внутри белорусского общества. Например, О. Манаев (2022) считает, что события 2020 года способствовали ценностному и институциональному расколу, имевшему место практически весь период существования режима. Исходно “закрепляя своей политикой настроения и ценности большей (консервативной) части белорусского общества и, в то же время, маргинализируя ценности и ограничивая жизненные перспективы его меньшей (прогрессивной) части, Лукашенко тем самым углубил и обострил современный белорусский раскол” (Манаев 2022). Такого же взгляда придерживаются и другие исследователи, фиксируя так или

иначе наличие раскола среди разных групп беларусов, некоторые из которых (даже) считают друг друга угрозой (Біканаў 2022).

Данная (“алармистская”) трактовка представляется нам достаточно проблематичной. Социологические (социо-структурные) рамки таких интерпретаций явно не эксплицированы, ввиду чего мы не можем просто принять “цифры” за чистые “социальные факты”. С чем же мы все-таки имеем дело: глубоким гражданским расколом, напряженной политической поляризацией⁹ или широким плюрализмом мнений? Какие “реальные” социальные структуры стоят за данными распределениями мнений? В какой мере эти структуры и мнения изоморфны друг другу? Какова социальная форма, статика и динамика данных структур в перспективе до и после 2020 года? Для ответа на данные вопросы мы хотим обратиться к поколенческой концепции К. Мангейма. Именно поколения, на наш взгляд, являются искомой несущей социальной формой, способной объяснить различные амбивалентные социальные факты и процессы в Беларуси до и после 2020 года.

По Мангейму, в отличие от традиционных стратификационных понятий (классы, страты, группы и т.п.) поколения обладают наибольшей социологической “реальностью” ввиду того, что их образуют самые разные люди, которые являются свидетелями или принимают “участие в одних и тех же исторических и социальных событиях” в качестве “интегрированной группы” (Мангейм 2000: 32). Более того, “о поколении как реальности следует говорить лишь в том случае, если между теми, кто принадлежит к некоему поколению, существуют узы, которые проявляются через посредство социальных и интеллектуальных симптомов процесса дестабилизации” (Там же: 37). Таким образом, именно меж- и внутрипоколенческие конфликты составляют “нерв” социальной жизни. Поэтому, по Мангейму, “в каждом поколении могут быть многие разные, даже антагонистические секции” (Там же: 40), выросшие и образовавшиеся на почве такого конфликта. “Единство эпохи определяется динамикой ее антиномий и состоит в том, что ее полярные противоположности всегда интерпретируются в терминах одна другой и что разнообразные и разнонаправленные политические ориентации становятся действительно постижимы, если их рассматривать в качестве множественных попыток по-разному одолеть судьбу и решить одни и те же социальные и интеллектуальные проблемы, которые ей сопутствуют” (Там же: 49).

9 В политологии разделяют поляризацию и фракционирование социума как разные степени разделения (доклад ВШЭ). Высоко поляризованные общества чаще переживали гражданские войны, чем высоко фракционированные (Arbatli E., Rozenberg D. 2020).

Проецируя взгляды Мангейма на ситуацию в Беларуси, мы признаем нормальность наличия долгосрочных антагонистических внутр поколенческих (секций) “фракций” внутри (тем не менее) достаточного гомогенного белорусского социума. Такая напряженная, но не тотальная поляризация является едва ли не национальной особенностью Беларуси¹⁰, где наряду с сильнополяризованными группами всегда существует достаточно сильный “центр”, описываемый (зачастую тенденциозно) как “пассивные”, “индифферентные”, “нейтралы”, “формирующиеся”, “конформные”¹¹ и т. п. События 2020 года продемонстрировали небывалую мобилизацию людей, которая стала реакцией на “финальное” обострение долгого процесса травматизации Беларуси. Культурная травма лукашизма получила свое оформление, как и внутр поколенческий созидательный мировоззренческий конфликт по вопросу дальнейшей судьбы Беларуси. Вопрос ее преодоления становится важнейшей социокультурной задачей. Именно в данном контексте мы обзорно рассмотрим кейс преодоления посткоммунистической культурной травмы в Польше.

Начавшийся в 1980 году в Польше революционный процесс занял около десяти лет. Однако достигнутая победа парадоксальным образом породила “посткоммунистическую травму”. Для устойчивого развития посткоммунистические общества должны были преуспеть в культурной трансформации: наследуемые от режима коммунистов паттерны мышления и поведения “действуют много дольше, чем его институционно-организационный каркас. Прежние культура и образ мыслей преследуют посткоммунистические общества долго после смерти старых институтов” (Штомпка 2001: 4). Так, после 1989 года в польском обществе были широко распространены синдром недоверия, мрачный взгляд на будущее, ностальгия по прошлому, политическая апатия и различные травмы коллективной памяти¹². Следуя типологии Р. Мертона, Штомп-

10 Можно привести различные авторские концепции, фиксирующие данную специфику: от “памежжа” И. Абдираловича до “тутэйшасці” И. Бобкова или креольства у В. Абушенко.

11 Данная типичная номинация является одним из наиболее проблемных мест любой социологической аналитики, пытающейся уловить действительную локализацию представителей «молчаливого большинства» в социальном пространстве, которая просто сопротивляется или избегает социологического зондирования и замыкается в «спираль молчания». Ведь совершенно ясно, что эти люди все же имеют некие, порой слабо отрефлектированные и выраженные, но системные взгляды и ценности, отличные от их «пассивных» опросных реакций.

12 Показательны результаты польских опросов: «На вопрос о личном благополучии 53% отвечали, что стали жить хуже [опрос 17 июня 1994]. Оценивая три года после перелома, около половины респондентов считали,

ка выделил следующие ключевые стратегии преодоления травмы: (1) инновационные стратегии принимают и используют изменения для накопления экономического и социального капитала; (2) ретрагизм предполагает уход в пассивность, маргинализацию, ностальгирование; (3) ритуалисты опираются на традиционные модели поведения; (4) бунтари применяют различные радикальные методы борьбы.

Успехи реформ, рост экономики, благоприятный внешний фон и сильный социальный капитал поляков позволили достаточно “быстро” по историческим меркам (уже к середине 1990-х гг.) вылечить посткоммунистическую культурную травму. Однако, это произошло на фоне существования “культурной амбивалентности или раскола между наследием “блоковой” культуры и демократической рыночной культурой” (Штомпка 2001: 11), полное преодоление которого состоялось лишь ввиду неизбежной смены поколений. Однако, как замечает Штомпка, “не все травмы относятся к этому типу, и продолжительные травмы, длящиеся несколько поколений, могут иметь абсолютно иные свойства” (2001: 12).

Мы полагаем, что белорусский кейс является примером такой продолжительной (“хронической”) межпоколенческой культурной травмы, а ее столь же быстрое преодоление совершенно не гарантировано — особенно в контексте достаточно турбулентной глобальной и, в особенности, региональной политической и экономической обстановки вокруг Беларуси. В следующем разделе мы проведем краткий обзор проблематики преодоления авторитаризма в контексте проблемы преодоления прошлого (главным образом на примере истории Германии и Франции).

IV. “Политики памяти”

В настоящее время какая-либо систематическая работа с культурной травмой лукашизма внутри Беларуси представляется объективно невозможной ввиду неизбежного преследования. Тем не менее, актуальность данной проблемы уже сегодня не может быть недооценена. Без сомнения культурная травма лукашизма станет одним из серьезных политических вызовов во время переходного периода (когда бы он ни наступил), который может растянуться на многие годы и проходить с негарантированным успехом по темпам и результатам. Демонтаж авторитарной и построение демократической культуры в Беларуси будет длительным, нелинейным и полным конфликтов процессом. Работа с прошлым в любой

что при социализме люди были более удовлетворены [опрос 28 июня 1994]» (Штомпка 2001: 9).

культуре идет непрерывно; непрерывная работа с прошлым и настоящим лукашизма должна осмысляться, концептуализироваться и проходить уже сегодня.

Преодоление авторитарной культурной травмы потребует выработки определенной системной “культурной политики” (в сущности “политики памяти”), имеющей интегративный нацио-строительный эффект. Для этого “каждая культура разрабатывает свою универсальную систему, которая предохраняет потерю или забвение исторического знания. Таким путём создаются культурные средства для накопления и воспроизведения этих знаний с целью сохранения культурной идентичности и культурного наследия общества” (Дармина 2023: 41). В концептуализации и разработке такой политики должен учитываться опыт других стран в “преодолении” авторитарного (тоталитарного) прошлого. Далее мы проведем краткий обзор такого опыта, рассмотрев ключевые кейсы ФРГ, ГДР и Франции.

В целом преодоление и проработка прошлого может происходить в разных направлениях и на разных основаниях. Например: применение политических чисток, в том числе с применением насилия (Франция, Албания, Югославия); правовые методы, включая политические чистки (денацификация в Германии и Австрии, люстрация в Чехии, Польше, Венгрии, Румынии, странах Балтии); компенсации после репрессий (Германия, Австрия, Россия); обеспечение компромисса между судебными преследованиями и политическими санкциями (ЮАР); амнистирование и помилование лиц причастных к преступлениям (Германия, Чили) и замалчивание (Испания, в некоторой степени Россия, Беларусь, Казахстан, Туркменистан и др.). Для Европы, включая постсоциалистические страны, образцом служит немецкий опыт денацификации и “преодоления прошлого”.

Переход от диктатуры к демократии в ФРГ был трудным и длительным процессом. Мгновенного “осознания преступного характера национал-социализма не произошло” (Шеррер 2009). Послевоенные опросы общественного мнения диагностировали “большую приверженность немцев к нацистской идеологии, высокую поддержку принципов и институтов Третьего рейха и авторитарные политико-культурные установки”¹³. Законы об амнистии позволили освободить от ответственности и реинтегрировать многих бывших нацистов в государственные органы. Немцы в своей массе долгое время демонстрировали аполитичность и равнодушие к общественно-политическим делам (Лёзина 2013).

13 Так «в начале 1950-х годов более половины опрошенных придерживались мнения, что национал-социализм был хорошей, но плохо реализованной идеей» (Лёзина 2013).

Серьезные изменения начались в начале 1960-х годов как реакция на подъем антисемитизма: проходят студенческие демонстрации и семинары, знаменитый Франкфуртский процесс (1963–1965 гг.). Данный тренд усиливают протесты 1968-го года, а также последовавшая “восточная политика” В. Брандта. Произошли и заметные изменения в политических ориентациях немцев. Уже к середине 1970-х гг. около 60% считали себя политически активными, а 78% считали демократию лучшей формой правления (по сравнению с примерно лишь 50% таких оценок в 1953) (Лёзина 2013). В 1970–80-х гг. преодоление прошлого глубоко и “материально” проникает в сферы образования, искусства, музейного дела, градоустройства.

Разгоревшийся в 1980-х годах “спор историков” вновь поднял “вопросы вины” немцев. В ходе данного спора философ Ю. Хабермас раскритиковал возникшие апологетические тенденции в интерпретации истории Третьего рейха; он также обосновал необходимость искать национальную идентичность Германии в “конституционном патриотизме” (Verfassungspatriotismus) — единственно возможной форме патриотизма, “не отчуждающей нас от Запада” (Шеррер 2009). Данная трактовка стала доминирующей в общественно-политическом дискурсе и исторической политике ФРГ. Таким образом, в результате выработки в 1980-е годы консенсуса элит “оптика критического осмысления прошлого стала центральной для интерпретации вопросов, связанных с национальной идентичностью...” (Шеррер 2009).

В ГДР политика памяти значительно отличалась от ФРГ ввиду самоинтерпретации ГДР как антифашистского государства. ГДР называла себя “лучшей Германией” и не признавала за собой связи с наследием Третьего Рейха. “Этот подход позволил ей отказаться от рефлексии над национал-социалистическим прошлым и не уделять внимание вопросу вины в том виде, в каком это происходило в ФРГ” (Дармина 2023: 43). Воссоединение ФРГ и ГДР вновь актуализировало проработку нацистского прошлого, а также добавило задачу проработки прошлого самого ГДР. “Запаздывание старой ФРГ в проработке “первой немецкой диктатуры” в 1950 годы не должно было повториться в случае с диктатурой ГДР” (Шеррер 2009). Открытие архивов и специальных институтов вкупе с системной политикой памяти в других сферах позволили пройти этот путь с беспрецедентной скоростью, хотя и не без сложностей. Понимание ГДР как “неправового государства” ущемляло достоинство восточных немцев, а очередной суд победителей над побежденными теперь шел уже внутри самой Германии.

Позднее в 1990–2000 гг. новые исследования и дебаты привели к разрушению мифа о “чистом вермахте” и показали размах коллаборационизма “простых” немцев, однако при этом

“в воссоединенной Германии укрепляется взгляд на Вторую мировую войну, представляющий немцев ее жертвами” (Шеррер 2009), а не только лишь палачами. Различные общественно-политические события в новейшей Германии регулярно актуализируют проблемы прошлого, от которого нельзя освободиться, но с которым нужно постоянно работать. “Стабильность современной немецкой демократии есть во многом результат общественного осознания, что осмысление прошлого, в особенности прошлого, отмеченного государственной системой террора и массовыми нарушениями прав человека, влияет на политическую культуру и долгосрочное политическое развитие посттоталитарных обществ” (Лёзина 2013).

Опыт Франции интересен по причине определенного сходства оккупационного режима Виши и режима Лукашенко, который можно толковать как режим “внутренней оккупации” (Щитцова 2021: 139). Немецкая оккупация страны разрушила единство французской нации и привела к необходимости создания новой основы национального единства. “Необходимо было ликвидировать появившиеся в обществе разломы, опираясь на идею некоей скрепляющей нацию идентичности” (Шеррер 2009). Эволюция такой идентичности прошла трудный путь: от интерпретации Сопrotивления как общенационального дела до разрушения этого мифа в конце 1960-х гг. и критике попыток создать официальную историю (например, Закон о позитивной роли Франции в качестве колониальной метрополии от 2005 года).

На каком-то этапе миф о Сопrotивлении нес в себе “определенный реабилитирующий момент: ответственность за режим Виши ложилась лишь на сравнительно немногих людей, а большинство населения Франции освобождалось от подозрений в пассивной лояльности режиму Виши или даже его поддержке” (Шеррер 2009). Однако его постоянная деконструкция открывала историческую правду о коллаборационизме и оппортунизме значительной части французов во время Второй мировой войны. Различные попытки вмешательства политики в историю не имели успеха и привели к запрету законов памяти (в 2008 году). Пройдя череду громких судебных процессов и общественных дискуссий, Франция сформировала основу для плюралистической политики памяти.

Таким образом, опыт рассмотренных кейсов показывает, что преодоление авторитаризма в Беларуси рискует быть (1) длительным, (2) конфликтным и (3) “незавершенным” процессом. Однако необходимость и “неизбежность” такого процесса несомненна.

V. Беларуский вариант

Будущий процесс преодоления травмы лукашизма должен включать два вектора движения: демонтаж авторитаризма и построение демократии (какой-то ее национальной версии). Анализируя факторы будущих трансформаций к Новой Беларуси, коллектив исследователей BISS пришел к выводу, что в “случае преодоления автократии у белорусов есть высокие шансы успешного запуска демократических институтов. Вот основные позитивные факторы: ослабление патерналистских настроений в пользу индивидуальной ответственности, рост веры в собственные силы, рост образованности населения, опыт самоорганизации и горизонтального взаимодействия, усиление среднего класса, отсутствие в обществе острых конфликтов” (Рудковский и др. 2021). В то же время слабая национальная идентичность и преимущественно российская социализация белорусских чиновников будут препятствовать данному транзиту.

Очередной судьбоносный цивилизационный выбор вектора развития Беларуси “зависит не только от лидеров и политических элит (слабо к тому же консолидированных), но и от направленности и содержания массовых повседневных процессов национальной и социокультурной самоидентификации, способности активного меньшинства генерировать и реализовывать культурные, образовательные и исследовательские проекты” (Абушенко 2016: 285). Если существующее внутри и вне Беларуси активное меньшинство также можно определить как позитивный фактор транзита, то слабая консолидация элит и проблемная национальная идентичность играют в поле негативных факторов. Значение последнего фактора является, на наш взгляд, определяющим для успеха транзита, так как возникший в белорусском социуме “идеолого-идейный вакуум”¹⁴ может заполниться самым разным материалом. Новая белорусская идентичность должна дать перспективы и векторы разработки культурной политики переходного периода. Это позволит переработать проблемное прошлое и заложить основы национальной самоидентификации на будущее.

Учитывая современную социокультурную ситуацию, согласимся с тезисом Абушенко В.: “представляется, что «возродиться» в нашей ситуации и ситуации конца XX в. нам вряд ли удастся (не с этим ли связаны неудачи последней возрожденческой программы?), а вот «вписаться» в ризомно-симулякрное пространство современного принципиально открытого европейского культурного

14 В исследовании ZOiS (2021) BELARUS AT A CROSSROADS данный вакуум фиксируется в различных аспектах политической неопределенности значительной части белорусского социума.

пространства Беларусь шанс еще не потеряла” (Абушенко 2016: 290). Такое вписывание означает “открытость к диалогу, готовность к трансформации и восприятию ценностей открытого общества при сохранении культурной самобытности” (Там же: 291). Собственная креольская концепция Абушенко лишь эскизно очертила требующиеся элементы такого постмодернового национального проекта: механизмы (1) конструирования и потребления аутентики, (2) переработки культурного наследия, (3) инкорпорации “универсальности” в локальность, (4) уровень адекватного (пост)современного мышления, (5) “конституирования генеалогий «тутэйшасці» (инаковости в разделяемой с другими «универсальности»)” и (6) самовписывания себя в (пост)современность (Там же: 431).

Данные мотивы звучат и в работе Г. Миненкова, который усматривает в революции 2020 года “борьбу традиционализма (модерного типа) с необходимостью конструирования моделей социальной жизни для XXI столетия, за которыми скрыты глобализация, сетевое общество, всеобщая мобильность, дигитализация” (Миненков 2021: 99). Беларусь показали себя космополитической общностью, а сам протест “в своей основе может быть определен как борьба за утверждение права и прав человека” (Там же: 113) — ключевой мотив современного космополитизма. Важно отметить, что “беларусам изначально присуще некоторое космополитическое сознание, открытость, принятие инаковости” (Там же: 110), а сам космополитизм — “это не просто открытие других, это и открытие себя в контексте других. Можно сказать, что, осознавая себя нацией, новые поколения белорусов, отвергая авторитарную архаику, становятся все более космополитичными” (Там же: 114).

Похожий вектор осмысления новой национальной идентичности был предложен Т. Щитцовой — через “гражданский национализм”¹⁵. Выходя за пределы современной дихотомии “гражданского” и “этнического” начал в национализме, “беларусский гражданский национализм может быть помыслен как установка, сочетающая инклюзивность и признание значимости родной земли” (Щитцова 2023), т. е. как синтез глобального и локального (космополитического и “тутэйшага”). С содержательной точки зрения в 2020 году беларусы явили себя миру как “плюральное солидарное сообщество, выступившее против насилия, беззакония и авторитаризма

15 Мы также усматриваем некие параллели данного решения с концепцией «конституционного патриотизма» Ю. Хабермаса, оформившего решение проблемы легитимной инклюзии немцев в европейскую «семью народов» (после всех ужасов нацизма, искупления вины и т. п.). После войны в Украине беларусам также придется доказывать свою невиновность и право считаться европейцами.

в 2020-м” (Там же). Морально-этический заряд белорусской революции, ее ненасильственный характер показывает достойный и по-настоящему сильный путь борьбы с вызовами новых форм авторитаризма и коррозии прав человека. А императив “шанаваць”, который “объединяет два нормативных принципа: бережного отношения к жизни и уважительного отношения к личности” (Там же), также предлагает ответ важнейшему вызову нашего времени – глобальной экологической угрозе.

В контексте “реальной политики” на сегодняшний день сформировался ряд различных политических структур и акторов, которые уже сейчас влияют и будут влиять на преодоление автократии в Беларуси. Активно разрабатываются реформы и программы по развитию Новой Беларуси, ведется работа над концепцией по компенсации репрессированным белорусам (Офис Светланы Тихановской 2023), которая является продолжением “Акта о реабилитации”. Способность элит к консолидации и кооперации (в том числе со сторонниками силовых методов борьбы) является на сегодня важнейшей задачей на пути к успешной трансформации режима.

“Как практика сопротивления автократизации массовым долгим мирным протестным движением Протест-2020 дает урок гражданственности не только постсоветским народам, эта практика имеет всемирно-гражданское значение и в кантовском, и в современном смысле” (Минаков 2021: 62). Но смогут ли белорусы построить устойчивую систему, способствующую развитию в продемократической направленности после лукашизма, – это вопрос, на который никто не сможет дать сейчас точного ответа, но который должен задавать себе каждый, кто участвует в построении Новой Беларуси. Окно возможностей откроется вновь: важно быть готовым воспользоваться им наилучшим образом.

References

- Abushenko, V. (2016). Razryv tradicij: poiski mehanizma novoj identifikacii. V: *Osnovanija kul'tursociologii: izbrannye trudy*. Minsk: Belaruskaja navuka, 285–292. — In Russ.
- [Абушенко, В. (2016). Разрыв традиций: поиски механизма новой идентификации. В: *Основания культурсоциологии: избранные труды*. Минск: Беларуская навука, 285–292.]
- Abushenko, V. (2016). Kreol'stvo kak ino-modernost' Vostochnoj Evropy (Vozmozhnye strategii issledovanija). V: *Osnovanija kul'tursociologii: izbrannye trudy*. Minsk: Belaruskaja navuka, 391–434. — In Russ.
- [Абушенко, В. (2016). Креольство как ино-модерность Восточной Европы (Возможные стратегии исследования). В: *Основания*

- культурсоцiологiи: избранные труды. Минск: Беларуская навука, 391-434.]
- Arbatli, E., Rozenberg, D. (2020). How socio-political polarization erodes democracy. [online] <https://social.hse.ru/news/341771089.html> [Accessed: 24 October 2023]. – In Russ.
- Bikanau, F. (2022). “Poljusy” belaruskaga gramadztva tatal’na ne pry majuć adzin adnago – acjenka sacyjoljaga, 1 lipenja. [online] <https://www.svaboda.org/a/31923388.html> [Accessed: 19 September 2023]. – In Bel.
- [Біканаў, Ф. (2022). “Полюсы” беларускага грамадства татальна не прымаюць адзін аднаго – ацэнка сацыялёлага, 1 ліпеня. [online] <https://www.svaboda.org/a/31923388.html> [Accessed: 19 September 2023].]
- Darmina, E. (2023). Problema «preodolenija proshlogo» v nemeckom nauchnom diskurse. *Koncept: filosofija, religija, kul’tura*, #7(2): 36-49. – In Russ.
- [Дарміна, Е. (2023). Проблема «преодоления прошлого» в немецком научном дискурсе. *Концепт: философия, религия, культура*, №7(2): 36-49.]
- Douglas, N. et al. (2021). Belarus at a crossroads. *ZOiS Report*, March 25. [online] <https://www.zois-berlin.de/publikationen/belarus-at-a-crossroads-at-titudes-on-social-and-political-change> [Accessed: 23 October 2023].
- Eliseev, A. i dr. (2019). Trudovaja migracija v ES i sistema social'nogo obe spechenija v Belarusi, Moldove i Ukraine, mart. [online] https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/Policy_paper_MD.pdf [Accessed: 18 October 2023]. – In Russ.
- [Елисеев, А. и др. (2019). Трудовая миграция в ЕС и система социального обеспечения в Беларуси, Молдове и Украине, март. [online] https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/Policy_paper_MD.pdf [Accessed: 18 October 2023].]
- Ivanou, U. (2021). Fjenomjen zhanchynau u belym: gendarnae vymjarjenne belaruskich pratjestau drugoj palovy 2020 – pachatku 2021 godu. *TOPOS*, # 2: 150-174. – In Bel.
- [Іваноў, У. (2021). Фэномэн жанчынаў у белым: гэндарнае вымярэнне беларускіх пратэстаў другой паловы 2020 – пачатку 2021 году. *ТОПОС*, № 2: 150-174.]
- Korshunov, G. (2023). Jemocional’nyj nakal 2020-21 godov ostaetsja? 15 zhniunja. [online] <https://newideas.center/emocionalnyj-nakal-2020-21-godov-ostaetsya/> [Accessed: 20 September 2023]. – In Russ.
- [Коршунов, Г. (2023). Эмоциональный накал 2020-21 годов остается? 15 жніўня. [online] <https://newideas.center/emocionalnyj-nakal-2020-21-godov-ostaetsya/> [Accessed: 20 September 2023].]
- Korshunov, G. (2023). Kakovy bol’shie trendy vo vzaimootnoshenijah gosudarstva i obshhestva? Chast’ pervaja, 19 verasnja. [online] <https://newbelarus.vision/trendy-vo-vzaimootnosheniyax-gosudarstva-i-obshhestva/> [Accessed: 20 September 2023]. – In Russ.
- [Коршунов, Г. (2023). Каковы большие тренды во взаимоотношениях государства и общества? Часть первая, 19 верасня. [online] <https://newbelarus.vision/trendy-vo-vzaimootnosheniyax-gosudarstva-i-obshhestva/> [Accessed: 20 September 2023].]
- Kotljarov, I. i dr. (2017). *Belorusskoe obshhestvo v kontekste civilizacionno-kul’turnogo koda: sociologicheskoe izmerenie*. Minsk: Belaruskaja navuka. – In Russ.

- [Котляров, И. и др. (2017). *Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение*. Минск: Белорусская наука.]
- Lavruhin, A. (2023). "Pjat' let prebyvanija v stranah jemigracii stanut neobratimymi". Mnenie ob uehavshih i ostavshihsia belorusah, 2 fevralja. [online] <https://news.zerkalo.io/life/31778.html> [Accessed: 25 October 2023]. – In Russ.
- [Лаврухин, А. (2023). "Пять лет пребывания в странах эмиграции станут необратимыми". Мнение об уехавших и оставшихся белорусах, 2 февраля. [online] <https://news.zerkalo.io/life/31778.html> [Accessed: 25 October 2023].]
- Lawtrend (2023). Situacija so svobodoj asociacij i organizacijami grazhdanskogo obshhestva Respubliki Belarus: obzor za sentjabr' 2023 g. [online] <https://www.lawtrend.org/freedom-of-association/situatsiya-so-svobodoj-assotsiatsij-i-organizatsiyami-grazhdanskogo-obshhestva-respubliki-belarus-obzor-za-sentyabr-2023-g> [Accessed: 3 October 2023]. – In Russ.
- [Lawtrend (2023). Ситуация со свободой ассоциаций и организациями гражданского общества Республики Беларусь: обзор за сентябрь 2023 г. [online] <https://www.lawtrend.org/freedom-of-association/situatsiya-so-svobodoj-assotsiatsij-i-organizatsiyami-grazhdanskogo-obshhestva-respubliki-belarus-obzor-za-sentyabr-2023-g> [Accessed: 3 October 2023].]
- Ljozina, E. (2013). Pamjat', identichnost', politicheskaja kul'tura i poslevoennaja germanskaja demokratija. *Otechestvennye zapiski*, #6. – In Russ.
- [Лёзина, Е. (2013). Память, идентичность, политическая культура и послевоенная германская демократия. *Отечественные записки*, №6.]
- Mackevich, V. (2013). Polittehnologii tret'ego pokolenija. [online] <https://matskevich.org/polittehnologii-tretego-pokoleniya/> [Accessed: 2 October 2023]. – In Russ.
- [Мацкевич, В. (2013). Политтехнологии третьего поколения. [online] <https://matskevich.org/polittehnologii-tretego-pokoleniya/> [Accessed: 2 October 2023].]
- Manaev, O. (2022). Raskol v belarusskom obshhestve – real'nost' zhizni millionov ljudej, 5 sentjabrja. [online] <https://www.ideasbank.vision/en/articles/3> [Accessed: 17 October 2023]. – In Russ.
- [Манаев, О. (2022). Раскол в белорусском обществе – реальность жизни миллионов людей, 5 сентября. [online] <https://www.ideasbank.vision/en/articles/3> [Accessed: 17 October 2023].]
- Manhejm, K. (2000). Problema pokolenij. V: Oчерки sociologii znaniija: Problema pokolenij – sostjazatel'nost' – jekonomicheskie ambicii. Moskva: INI-ON RAN, 8–63. – In Russ.
- [Мангейм, К. (2000). Проблема поколений. В: *Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции*. Москва: ИНИОН РАН, 8–63.]
- Minakov, M. (2021). Vsemirno-grazhdanskoe znachenie belarusskogo protesta – 2020 i postsovetskikh protestnyh dvizhenij. TOPOS, #2: 45–74.– In Russ.
- [Минаков, М. (2021). Всемирно-гражданское значение белорусского протеста – 2020 и постсоветских протестных движений. TOPOS, №2: 45–74.]

- Minenkov, G. (2021). Belarusskie protesty 2020 goda v kosmopoliticheskom izmerenii. TOPOS, #2: 96–118. — In Russ.
- [Миненков, Г. (2021). Беларусские протесты 2020 года в космополитическом измерении. TOPOS, №2: 96–118.]
- Ofis Svetlany Tihanovskoj (2023). Proekt Konceptii vozmeshhenija vreda repressirovannym licam. [online] <https://tsikhanouskaya.org/ru/reform/proekt-konceptii-vozmeshheniya-vreda-repressirovannym-licam> [Accessed: 19 October 2023]. — In Russ.
- [Офис Светланы Тихановской (2023). Проект Концепции возмещения вреда репрессированным лицам. [online] <https://tsikhanouskaya.org/ru/reform/proekt-konceptii-vozmeshheniya-vreda-repressirovannym-licam> [Accessed: 19 October 2023].]
- Pravaabaronchy cjeñtr “Vjasna”. [online] <https://prisoners.spring96.org/be> [Accessed: 10 October 2023]. — In Russ.
- [Праваабарончы цэнтр “Вясна”. [online] <https://prisoners.spring96.org/be> [Accessed: 10 October 2023].]
- Pravo na zashhitu (2023). Ugolovnoe presledovanie advokатов v Respublike Belarus’ (2023). [online] https://defendersbelarus.org/criminal_prosecution_2020 [Accessed: 5 October 2023]. — In Russ.
- [Право на защиту (2023). Уголовное преследование адвокатов в Республике Беларусь (2023). [online] https://defendersbelarus.org/criminal_prosecution_2020 [Accessed: 5 October 2023].]
- Radyjo Svaboda (2023). Ad “sutak” da prastrjelenyh kalenjau: pravaabaroncy sabrali fakty peras’ledu belarusau za antyvaennuju pazycuju (2023), 18 oktjabrja. [online] <https://www.svaboda.org/a/32642949.html> [Accessed: 14 October 2023]. — In Bel.
- [Радыё Свабода (2023). Ад “сутак” да прастрэленых каленяў: праваабаронцы сабралі факты перасьледу беларусаў за антываенную пазыцыю (2023), 18 октября. [online] <https://www.svaboda.org/a/32642949.html> [Accessed: 14 October 2023].]
- Rudkovskij, P. (2022). Mental'naja demokratizacija. [online] <https://belinstitute.com/sites/default/files/2022-03/MentalnayaDemokratizaciya%20RU.pdf> [Accessed: 21 October 2023]. — In Russ.
- [Рудковский, П. (2022). Ментальная демократизация. [online] <https://belinstitute.com/sites/default/files/2022-03/MentalnayaDemokratizaciya%20RU.pdf> [Accessed: 21 October 2023].]
- Rudkovskij, P. i dr. (2021). K Novoi Belarusi: fakty transformacii. BISS. [online] <https://belinstitute.com/sites/default/files/2021-09/Toward%20a%20New%20Belarus.%20BISS%20Research.%20RU.pdf> [Accessed: 13 October 2023]. — In Russ.
- [Рудковский, П. и др. (2021). К Новой Беларуси: факторы трансформации. BISS, [online] <https://belinstitute.com/sites/default/files/2021-09/Toward%20a%20New%20Belarus.%20BISS%20Research.%20RU.pdf> [Accessed: 13 October 2023].]
- Scherer, J. (2009). Otnoshenie k istorii v Germanii i Francii: prorabotka proshlogo, istoricheskaja politika, politika pamjati. [online] https://www.perspektivy.info/history/otnosheniye_k_istorii_v_germanii_i_francii_prorabotka_proshlogo_istoricheskaja_politika_politika_pamjati_2010-02-24.htm [Accessed: 13 September 2023]. — In Russ.
- [Шеррер, Ю. (2009). Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти. [online]

- https://www.perspektivy.info/history/otnoshenije_k_istorii_v_germanii_i_francii_prorabotka_proshlogo_istoricheskaja_politika_politika_pamati_2010-02-24.htm [Accessed: 13 September 2023].]
- Shchytsova, T. (2021). Preodolevaja avtoritarizm: PATH-DEPENDENCE i novaja grazhdanstvennost' (Predislovie). TOPOS, # 2: 7-14. — In Russ.
- [Щитцова, Т. (2021). Преодолевая авторитаризм: PATH-DEPENDENCE и новая гражданственность (Пredisловие). TOPOS, №2: 7-14.]
- Shchytsova, T. (2021). Suverennaja vlast' i jetika nenasilija: strukturnye osnovanija grazhdanskoj mobilizacii v Belarusi. TOPOS, # 2: 119-144. — In Russ.
- [Щитцова, Т. (2021). Суверенная власть и этика ненасилия: структурные основания гражданской мобилизации в Беларуси. TOPOS, №2: 119-144.]
- Shchytsova, T. (2023). Chto takoe belarusskij grazhdanskij nacionalizm i pochemu on neobhodim? *Bank idej*, 28 marta. [online] <https://www.ideas-bank.vision/articles/31> [Accessed: 13 September 2023]. — In Russ.
- [Щитцова, Т. (2023). Что такое белорусский гражданский национализм и почему он необходим? *Банк идей*, 28 марта. [online] <https://www.ideasbank.vision/articles/31> [Accessed: 13 September 2023].]
- Shelest, O., Kazakevich A. (2021). Sociology of protests in Belarus and international assistance. *Policy Brief*, June 2021. [online] https://www.kew.org.pl/wp-content/uploads/2020/12/Policy_Brief_Sociology-of-protests-in-Belarus.pdf [Accessed: 1 October 2023].
- Sztompka, P. (2001). Kul'turnaja travma v postkommunisticheskom obshchestve (stat'ja vtoraja). [online] <https://www.isras.ru/files/File/Socis/02-2001/002Shtompka.pdf> [Accessed: 13 September 2023]. — In Russ.
- [Штомпка, П. (2001). Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая). [online] <https://www.isras.ru/files/File/Socis/02-2001/002Shtompka.pdf> [Accessed: 13 September 2023].]
- Sztompka, P. (2001). Social'noe izmenenie kak travma (stat'ja pervaja). [online] <https://www.isras.ru/files/File/Socis/01-2001/Shtompka.pdf> [Accessed: 13 September 2023]. — In Russ.
- [Штомпка, П. (2001). Социальное изменение как травма (статья первая). [online] <https://www.isras.ru/files/File/Socis/01-2001/Shtompka.pdf> [Accessed: 13 September 2023].]
- Vjasna (2020). Situacija s pravami cheloveka v Belarusi v 2020 godu. Analiticheskij razbor. [online] https://spring96.org/files/misc/review_2020_ru.pdf [Accessed: 1 October 2023]. — In Russ.
- [Вясна (2020). Ситуация с правами человека в Беларуси в 2020 году. Аналитический разбор. [online] https://spring96.org/files/misc/review_2020_ru.pdf [Accessed: 1 October 2023].]
- Vjasna (2023). Situacija s pravami cheloveka v Belarusi. Sentjabr' 2023 (2023). [online] <https://spring96.org/ru/news/112958> [Accessed: 3 October 2023]. — In Russ.
- [Вясна (2023). Ситуация с правами человека в Беларуси. Сентябрь 2023 (2023). [online] <https://spring96.org/ru/news/112958> [Accessed: 3 October 2023].]
- Wilson, E. (2020). Preventivnyj avtoritarizm nachinaet zapazdyvat'. Vybory-2020 cherez prizmu idej Silickogo, 11 chjervenja. [online] <https://belinstitute.com/be/article/preventivnyy-avtoritarizm-nachinaet-zapazdyvat-vybory-2020-cherez-prizmu-idej-silickogo> [Accessed: 11 October 2023]. — In Russ.

[Уилсон, Э. (2020). Превентивный авторитаризм начинает запаздывать. Выборы-2020 через призму идей Силицкого, 11 чэрвеня. [online] <https://belinstitute.com/be/article/preventivnyy-avtoritarizm-nachinaet-zapazdyvat-vybory-2020-cherez-prizmu-idey-silickogo> [Accessed: 11 October 2023].]